

Забывтое прошлое: правовое положение трудовой артели по отечественному законодательству

Е. Б. Хохлов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье рассматривается правовое положение трудовых артелей разного вида по отечественному законодательству. Излагается общий правовой статус трудовых артелей, а также биржевых артелей, артелей моряков, бурлацких и других видов артелей. Анализируется место артелей в трудовом правоотношении, как в качестве работодателя, так и на стороне работника. В качестве работодателя артель выступала в случае заключения трудового договора с физическим лицом, не являвшимся членом артели. В статье анализируются также два варианта ситуаций, когда артель выступала на стороне работника (исполнителя). Первый вариант имел место в тех случаях, когда с артелью заключался трудовой договор. Однако в этом случае трудовое правоотношение возникло не между работодателем и артелью, а между работодателем и каждым отдельным членом артели; артель же выступала как организационная форма, обеспечивающая оптимальную организацию труда и управление трудовой деятельностью членов артели. Второй вариант предполагал заключение с артелью договора подряда. В этом случае возникали отношения двух видов: по договору подряда между заказчиком и подрядчиком, в котором роль подрядчика принимала на себя трудовая артель как юридическое лицо, и отношения артели со своими членами, в которых артель действовала в качестве работодателя. В статье рассматриваются возможные варианты использования артели в современных условиях: как одной из форм участия работников в делах работодателя, как разновидности заемного труда (в особенности в целях обеспечения сохранности имущества работодателя).

Ключевые слова: законодательство Российской империи, законодательство нэпа, трудовая артель, биржевая артель, товарищество, материальная ответственность, заемный труд, социальное партнерство.

Введение

В настоящее время, как известно, широко обсуждается проблема модернизации функционирующего в России экономического механизма. В рамках такого обсуждения предлагаются, в частности, решения, основанные на идеологии как минимум двухсотлетней давности, реализация которых способна возратить нашу страну во времена «дикого капитализма» эпохи конца XVIII — первой половины XIX столетий. Эти решения, предполагающие исключительно экстенсивный путь повышения эффективности экономики, по сути, исходят из необходимости «отмены» трудового права, причем на этот раз речь идет не об отказе от достаточно мифических «достижений реального социализма», а от самих основ правового регулирования общественного труда — в том виде, в каком они сформировались в цивилизованных странах, включая Россию, на протяжении второй половины XIX в. в результате трудного поиска, осложненного всплесками наси-

лия, исходящего от разных социальных групп, государственного насилия, — короче говоря, того насилия, которое в ортодоксальной марксистской науке было принято определять термином «классовая борьба». Результат этого процесса, как известно, был двояким: в европейских странах возник эффективный механизм правового регулирования труда, предполагающий, помимо прочего, и правовые средства разрешения возникающих социальных конфликтов; в России же сформировалось хозяйство принципиально нерыночного типа, «отменившее» — и экономически, и физически — капиталистов как участников хозяйственных отношений. Современные российские капиталисты, предлагающие свои организационные инновации, выстраивая «новую» модель правового регулирования труда, должны иметь в виду эти перспективы столетней давности и в рамках своей программы преобразований предусмотреть соответствующие средства, которые смогли бы предотвратить их новое устранение из жизни государства. Поскольку ничего иного не предлагается, то, очевидно, в качестве главного средства рассматриваются чисто полицейские средства по поддержанию порядка в экономике. Если это предположение верно, то можно констатировать: предлагается очередной тупик, выход из которого возможен только насильственным путем. Вообще говоря, приходится не без горечи отметить, что одним из главных революционеров в нашей стране является российский капитал: он в значительной мере способствовал в свое время большевистской революции; похоже, что и ныне он не изменяет этой своей традиции.

Между тем далеко не все, что было в прошлом нашего отечества, в том числе в сфере экономических отношений, подлежит забвению. С учетом сказанного, можно было бы внимательнее присмотреться к такой организационно-правовой форме, как *трудовая артель*. Опыт правового регулирования деятельности артелей, воплощающий многовековые традиции их функционирования на Руси, представляется полезным и для нас как минимум в двух отношениях: 1) в рамках промышленного предприятия артель являлась предтечей тех организационно-правовых форм, которые ныне во всем мире (кроме России) функционируют под общим емким названием *участие работников в делах работодателя* (фр. *la participation dans l'entreprise*); 2) артель была эффективной формой, обеспечивающей сохранность имущества работодателя (т.е. выполняла функцию, которую ныне не вполне успешно выполняет механизм материальной ответственности работников, в своих общих чертах сложившийся в нашей стране на рубеже 1920–1930-х годов).

Разумеется, в задачу данной статьи не входит осуществление каких-либо широких обобщений; наша цель гораздо скромнее: познакомить читателя с системой правовых норм, регулирующих деятельность трудовых артелей, в том виде, в каком эта система сложилась в начале прошлого столетия в Российской империи и в СССР в период новой экономической политики.

Основное исследование

Правовое положение трудовой артели по законодательству Российской империи

Российской истории экономики артельный труд известен с древнейших времен. Чрезвычайно интересным является вопрос о том, какими факторами, коренящимися в глубине национального сознания (географическими, историческими или психологическими), определяется широкое распространение трудовых артелей на Руси, однако ответ на этот вопрос выходит за пределы настоящей статьи. Здесь мы ограничимся изложением правовых аспектов организации и деятельности трудовой артели, причем лишь в той мере, в какой эти аспекты нашли отражение в законодательстве Российской империи.

По нашим наблюдениям, самые старые нормы российского законодательства о трудовых артелях, действовавшие тем не менее вплоть до 1917 г., датируются второй половиной XVIII в. Так, статьи раздела II Устава торгового¹, регламентировавшие правовое положение матросов («мореходцев»), относятся к 1781 г. Здесь, в частности, говорится о том, что «записанным мореходцам при городах и портах дозволяется избирать из среды своей одного главного артельщика и несколько старшин по их доверию и желанию. Каждый избранный в артельщики или старшины, буде не записан в купеческое или мещанское общество того города или не имеет в нем дома, обязан представить в виде поручительства треть той суммы, какую в год приобрести мог мореходством» (ст. 201). «Всякий исправный водоходец» мог явиться к главному артельщику и старшинам, которые представляли его биржевому нотариусу для внесения в список мореходцев (ст. 202). В обязанность главного артельщика и старшин вменялось, «чтобы мореходцы были разделены на артели и чтобы в каждой артели были люди, разумеющие свою должность, верные и исправные». Они «имеют попечение о всех мореходцах, как в том городе и порте записанных, так и приходящих в оный на кораблях и судах, дабы они исправно и своевременно получали от нанимателей плату, ходатайствуют и защищают право их во всех случаях на основании законов о торговом мореплавании» (ст. 203).

Упоминание о трудовой артели мы находим в самых разных частях российского законодательства, содержащегося в Своде законов Российской империи. Например, регулирование труда в рамках артели осуществляется Положением о найме на сельские работы (1886), Уставами торговым (кн. 1, 2), горным, промышленным, путей сообщения, Общим уставом российских железных дорог и т. д. Артельный труд используется в промышленности, в горных и горнопромышленных предприятиях, в сфере биржевой торговли, в лоцманском деле, в области торгового мореплавания, на железных дорогах, в сельскохозяйственном производстве. Исключительно в рамках трудовой артели применяется труд бурлаков. Наконец, организационно-правовая форма артели используется при оказании трудовой помощи жителям голодающих местностей, работающих вне места своего постоянного проживания.

¹ Свод законов Российской империи (далее — СЗ РИ). 1892. Т. XI, ч. 2.

В конечном счете, длительный опыт правового регулирования труда в рамках трудовой артели был обобщен в особом *Положении об артелях трудовых* (далее — Положение 1902 г.)²

В соответствии с Положением 1902 г. трудовой артелью признавалось «товарищество, образовавшееся для производства определенных работ или промыслов, а также для отправления служб и должностей, личным трудом участников, за общий их счет и с круговою их порукою» (ст. 1)³. Трудовые артели образовывались на основании уставов или существующих постановлений о договорах (ст. 2).

Уставы артелей утверждались местным, по нахождению управления делами артели, губернатором и по его распоряжению публиковались в местных губернских ведомостях. Если губернатор не счел возможным утвердить устав, он должен был обратиться в течение месяца с соответствующим представлением к министру торговли и промышленности, который и разрешал «возникшее сомнение по соглашению с подлежащими ведомствами» (ст. 4–5).

Представляемые на утверждение уставы артелей подписывались учредителями в числе не менее пяти человек и должны были «содержать в себе означение:

- 1) наименования, цели и места деятельности артели с указанием срока ее действий, если артель учреждается временно;
- 2) условий принятия членов и учеников, их прав и обязанностей, а также порядка выбытия или исключения их из артели;
- 3) условий, порядка и пределов применения в артели наемного труда;
- 4) порядка наложения на членов артели взысканий с указанием высшего размера налагаемых на них денежных штрафов;
- 5) размера ответственности членов артели по обязательствам ее, если этот размер ограничивается⁴;
- 6) срока и других условий выдачи выбывшим исключенным членам артели причитающихся им из артели сумм, а также срока, в течение которого означенные члены продолжают отвечать по обязательствам артели, если для этой ответственности устанавливается срок свыше одного года⁵;
- 7) порядка образования, хранения и расходования артельных капиталов;

² В[ысочайше] У[твержденное] по мнению Государственного совета 1 июня 1902 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ РИ). Собр. 3. 1904. Т. XXII. Отд. 1. № 21550. — Положение 1902 г. было впоследствии полностью включено в т. X СЗ РИ (по Прод[олжению] 1906 г.), кн. 4 («Об обязательствах по договорам»), разд. III, гл. VI, отд. 3, ст. 21981–219827.

³ Сходные по смыслу определения данного понятия даются в Положении о найме на сельские работы (ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. СПб., 1886. № 3803), ст. 7; Правилах о биржевых артелях (ПСЗ. Собр. 3. Т. XXV. СПб., 1908. № 26439), ст. 1, и др.

⁴ В соответствии со ст. 219819 Зак[онов] гр[ажданских], «в случае недостаточности артельного имущества на удовлетворение причитающихся с артели сумм, отвечают ее члены, за круговую порукою, всем личным их имуществом движимым и недвижимым неограниченно или в пределах, указанных в уставе артели» (СЗ РИ. По Продолжению 1906 г. Т. X, ч. 1; ст. 19 Положения 1902 г.).

⁵ Согласно ст. 219825 Зак[онов] гр[ажданских] (ст. 25 Положения 1902 г.), «выбывшему или исключенному члену выдаются в определенный уставом срок числящиеся на его счете суммы, за вычетом, в подлежащих случаях, следующих с него взысканий и соответственной доли убытков, понесенных артелью. Выбывший или исключенный член продолжает, однако, в течение

- 8) порядка внесения членских взносов; порядка покрытия убытков артели;
- 9) порядка управления делами артели, с указанием образования этого управления, прав и обязанностей его и входящих в его состав лиц, а также условий их избрания; порядка ведения именного списка участников артели и состава ее управления, порядка решения дел в общих собраниях и срока созыва сих собраний;
- 10) общих оснований отчетности и порядка ликвидации дел артели» (ст. 6).

В устав артели могли быть включены и другие нормы, не противоречащие законам.

После утверждения устава общее собрание членов артели «признает ее состоявшейся». О решении общего собрания сообщается губернатору. С момента утверждения устава губернатором «артель вступает во все права и обязанности, предоставляемые ей» (ст. 8) в силу закона и норм, закрепленных в уставе, т. е. становится субъектом права — юридическим лицом.

Действуя в качестве субъекта права, артель могла «приобретать имущества, вступать в договоры и обязательства, искать и отвечать на суде». В частности, артели разрешалось иметь промышленные и торговые заведения (ст. 12).

Членами артели могли быть «лица обоюдо не моложе 17 лет». При этом лица в возрасте от 17 до 21 года могли приниматься в артель «на основаниях, определяемых в уставе, но без права участия в управлении делами членов артели»⁶. Число членов артели законом не ограничивалось (ст. 9–10).

На членов артели возлагалась обязанность вносить членские взносы, выплата которых могла производиться как «как деньгами, так и необходимыми для артели предметами». Членские взносы должны были быть одинаковы для всех членов артели; «распределение же между ними заработка артели» производилось «соразмерно с участием каждого в работах артели личным трудом, по постановлениям общего собрания» (ст. 16–17).

По принятым на себя обязательствам, «а также за исправное исполнение членами артели своих обязанностей и вообще за убытки, причиненные по артельным работам, членами артели или нанятыми ею лицами, артель отвечает всем своим имуществом». В свою очередь, уплаченные артелью суммы она могла взыскать с тех лиц, «по упущению или вине которых она понесла убыток» (ст. 18). В случае недостаточности артельного имущества для возмещения причиненного вреда взыскание в порядке круговой поруки могло быть обращено на имущество членов артели. При этом «по круговой поруке ответственность распределяется между членами артели поровну, если в уставе не указаны основания для распределения по соразмерности. Недополученное с одного или нескольких членов разверстывается тем же способом между остальными членами артели; члены артели, уплатившие за других членов, имеют право обратного к ним требования». Вступающий в артель отвечал и по тем ее обязательствам, которые возникли до вступления его в состав артели. Вместе с тем имущество и капиталы артели не могли обращаться на удовлетворение по личным долгам и обязательствам отдельных ее членов (ст. 19–22).

одного года, если в уставе не определено более продолжительного срока, отвечать, наравне с наличными членами, по обязательствам артели, возникшим до его выхода».

⁶ По российскому законодательству полная гражданская правосубъектность наступала в 21 год.

Взыскания по личным долгам и обязательствам отдельных членов артели могли быть удовлетворяемы из причитающихся в их пользу заработка, однако при этом должны были соблюдаться требования Устава о промышленности⁷, Устава о промышленном труде⁸ (ст. 23), определявшие порядок и размеры взысканий, производимых из заработной платы⁹.

За неисполнение принятых артелью обязательств, правил устава и постановлений общего собрания, «а равно за предосудительное поведение или небрежение в работе, сверх ответственности за причиненные убытки», члены артели могли «быть подвергаемы в порядке, определенном в уставе, выговорам, денежным штрафам, временному устранению из артели и исключению из оной» (ст. 24).

Управление артелью осуществлялось общим собранием ее членов, «которое для ближайшего заведывания и распоряжения делами избирает из своей среды необходимых для этого лиц». Вместо общего собрания устав мог предусмотреть собрание уполномоченных (ст. 13).

В общем собрании каждый член артели имел один голос. Право голоса могло передаваться отсутствующим членом артели только члену артели на условиях, определяемых уставом. Собрание признавалось правомочным при наличии не менее половины членов и принимало решения простым большинством голосов. Однако для решения вопросов о дополнении или изменении устава, об исключении из артели, об удалении должностных лиц до окончания срока, на который они избраны, о заключении займов, о закрытии артели и ликвидации ее дел требовалось участие в собрании, лично и по доверенности, не менее $\frac{2}{3}$ всех членов артели, причем постановления общего собрания по указанным вопросам получали обязательную силу при условии, что они были приняты большинством $\frac{2}{3}$ голосов участвовавших в собрании членов. При этом закон не исключал возможность определения в уставе и других, помимо упомянутых, вопросов, принимаемых квалифицированным большинством голосов членов артели (ст. 14–15).

Артель прекращалась: 1) истечением срока, на который она была учреждена; 2) окончанием работ, для исполнения которых она создавалась; 3) по постановлению общего собрания членов артели; 4) по требованию губернатора, когда действия артели окажутся несогласными с ее уставом или законом. В случае прекращения артели ее имущество подлежало распределению между членами или получало иное назначение в порядке, определяемом в уставе; если же в уставе такого порядка не определено — то по усмотрению общего собрания (ст. 26–27).

⁷ СЗ РИ. 1893. Т. XI. Ч. 2.

⁸ Устав о промышленном труде (Свод законов, т. XI, ч. 2, изд. 1913 г.; ст. 1–228 и 541–597). С правилами и распоряжениями, изданными на осн. этих статей, с разъяснениями к ним Правительствующего Сената и административных установлений, приложениями и указателями, алфавитным, предметным и ф-м постатейным / сост. В. В. Громан. Пг., 1915.

⁹ Взыскания, налагаемые за неисправную работу, за прогул и за нарушения порядка, в общей их сложности не должны были превышать одной трети заработка, действительно причитающегося рабочему к установленному сроку расплаты (ст. 148 Устава о промышленности, ст. 109 Устава о промышленном труде). Если по числу сделанных рабочим нарушений взыскания с него должны превысить указанную норму, то заведующему фабрикой предоставлялась право расторгнуть заключенный с рабочим договор найма (ст. 149 Устава о промышленности, ст. 110 Устава о промышленном труде).

Особая глава была посвящена артельному товариществу в Уставе торговом (кн. V, разд. II, гл. X, ст. 2409–2421). В силу ст. 2409 Устава артель определялась как «общество работников, по добровольному между собою условию составленное, для отправления служб, работ или промыслов, силам одного человека несоразмерных». Правовая организация артельных товариществ определялась упомянутым выше общим Положением 1902 г., однако в Уставе торговом содержался ряд норм уточняющего характера. В частности, упомянутые статьи вводили понятие и регламентировали правовой статус так называемых *биржевых артелей*. К ним относились «артели, отправляющие разные работы на бирже, при таможене, при городских амбарах и буянах, в рядах и тому подобных торговых помещениях». В состав биржевой артели входили «настоящие артельщики, новики и мальчишки». Биржевые артельщики имели «особые знаки для ношения на груди или на шляпе» (ст. 2410).

Каждая артель должна была иметь своих старост и казначеев, «избираемых на год и меньше, как третью частью артели» (ст. 2410). За вступление в артель должен был вноситься определенный «вкуп» деньгами; «а по неимению оных сей вкуп удерживается у него ежегодно из вырабатываемой платы, при дележе из общего дувана». Вступивший в артель без взноса вкупной суммы «впредь до заработка ее» считался новиком, или мальчиком. Каждый вступивший в артель давал старосте подписку в том, что «право артели приемлет и обязывается повиноваться общим правилам» (ст. 2411–2413).

Биржевые артельщики работали и служили за *учрежденную плату*, которая назначалась «по согласию их с хозяевами» (ст. 2415). В силу закона «хозяин, назначивший для услуг своих одну артель, не может по делам своим брать другой к подрыву прежде им назначенной». Вместе с тем «если артельщики взяли работу, для исправления которой их по числу недостаточно, то они обязаны нанимать поденщиков на свой счет, хотя бы то было и с передачею». Указывалось также, что «занятия всех лиц, в артелях находящихся, различны, но по существу своему составляют один предмет — работу или услугу, и каждый получает за то плату общего дувана, по расчету, т. е. заплативший вкуп — полную сумму, а не заплативший оного — с вычетом». Старосты или казначеи, отлучавшиеся по нуждам артели, хотя и не работали, но в силу закона получали пай «наравне с лучшим в артели работником».

«Срок служения артелей» должен был быть не менее одного года, причем устанавливалось, что «артель не может разойтись, не докончив взятой работы».

Рассмотренные выше нормы Устава торгового о биржевых артелях дополнялись особыми Правилами о биржевых артелях (далее — Правила), утвержденными в июне 1905 г. и содержащимися в Своде законов в качестве приложения к Уставу торговому. Как указывается в Правилах, «биржевые артели имеют целью производство личным трудом участников, за общий их счет и с круговой их порукою, работ по уходу за товарами в местах их привоза, отпуска и хранения, а также отправление конторских служб и должностей и исполнение торговых поручений учреждений и частных лиц». Правовое положение биржевой артели определялось уставом, утвержденным местным, по нахождению управления делами артели, биржевым комитетом. Определяемое Правилами содержание устава в общем совпадало с тем, которое было регламентировано Положением 1902 г., несколько уточняя его по от-

дельным частным вопросам (так, в уставе должно быть указано минимальное число членов, при наличии которых может быть «открыта» артель; предельный размер денежного взыскания, которое могло быть наложено на члена артели устанавливался в сумме ста рублей; и т. п.).

Биржевые артели состояли в ведении биржевого комитета, утвердившего устав, «хотя бы деятельность ее распространялась и на местности, не входящие в пределы действия означенного комитета». Биржевой комитет осуществлял надзор за правильностью действий биржевых артелей, «и все его распоряжения, в пределах, установленных законом и уставом артели, исполняются в точности». Если же в действиях артели или в распоряжениях «должностных лиц ее» биржевым комитетом усматривались нарушения закона или правил устава, то комитет был вправе подвергнуть виновных должностных лиц артели денежным взысканиям на сумму не свыше 100 руб., «или даже удалять означенных лиц от должностей».

Содержание правосубъектности артели как юридического лица в целом не отличалось от содержания правосубъектности, определяемого общим Положением 1902 г., однако имущественное положение биржевой артели регламентировалось Правилами более подробно. Биржевая артель могла приобретать недвижимые имущества не иначе как с согласия биржевого комитета. Имущество артели образовывалось за счет членских взносов и других поступлений и состояло из капиталов: 1) оборотного; 2) запасного (предназначаемого исключительно для обеспечения верителей артели и для покрытия ее убытков); 3) других специальных капиталов (вспомогательного, похоронного и т. п.). Запасный капитал обращался в процентные бумаги, род которых указывался в уставе; эти бумаги помещались на хранение в учреждения Государственного банка.

Правила вводили определенные ограничения по составу членов артели — таковыми, в отличие от общего Положения 1902 г., могли быть исключительно совершеннолетние, т. е. лица, достигшие 21 года. Наемный труд в биржевых артелях допускался лишь в исключительных случаях и «при временном усилении деятельности артели». Впрочем, указанное ограничение не распространялось «на все связанные с деятельностью артели вспомогательные работы, вызывающие необходимость временного или постоянного применения физического труда».

Структура управления биржевой артелью совпадает с той, которая устанавливалась общим Положением 1902 г., правда, Правила не упоминают о возможности замены общего собрания артели собранием уполномоченных. Кворум для принятия решения устанавливался не в $\frac{1}{2}$ (как определяло Положение 1902 г.), а в $\frac{1}{3}$ членов артели. Для решения вопросов, круг которых определяло Положение 1902 г., требуя квалифицированное большинство голосов, по Правилам было достаточно простого большинства членов артели, присутствовавших на общем собрании.

Констатируя, как и Положение 1902 г., полную имущественную ответственность артели, а также круговую поруку ее членов в случае причинения имущественного ущерба контрагентам или неисполнения обязательств артелью либо поставленными ею лицами (как членами артели, так и наемными рабочими), Правила содержали в себе ряд уточняющих норм. Ответственность артели могла иметь место «лишь в случаях состоявшегося между артелью и ее верителями соглашения или последовавшего со стороны артели извещения верителей о возложении на членов артели или наемных рабочих каких-либо работ или занятий».

За действия и упущения артельщиков или ее наемных рабочих по таким работам или занятиям, которые были поручены этим лицам помимо соглашения с артелью, она ответственности не несла. Указанные соглашения и извещения могли быть «как словесными, так и письменными», однако в уставе артели могла быть предусмотрена обязательная письменная форма.

«За все услуги и работы, поручаемые артели», она получала «плату по соглашению с верителями», а при отсутствии такого соглашения — по таксе, утверждаемой биржевым комитетом.

Споры между артелью и ее верителями рассматривались в судебном порядке, однако по просьбе обеих сторон могли быть приняты к рассмотрению биржевым комитетом, решение которого по спору признавалось окончательным.

Прекращение деятельности артели могло последовать при наличии оснований, в общем совпадавших с основаниями, указанными в общем Положении 1902 г.; однако наряду с ними артель прекращалась: а) когда число ее членов оказывалось «менее того количества, при коем артель по уставу может открыть свои действия»; б) по постановлению биржевого комитета, «при неоднократных и упорных нарушениях артелью закона или правил устава».

Как уже отмечалось, исключительно артельная форма использовалась в силу Свода учреждений и уставов путей сообщения¹⁰ при применении труда *бурлаков*. Так, согласно ст. 324 указанного закона «все нанявшиеся на каждый караван, или раздробительно на суда и плоты одного хозяина, отвечают круговою друг за друга порукою, дабы, в случае побега кого-либо из артели, хозяин имел право возвратить с артели то число денег, которое не заработал бежавший, если он получил до того задаток, или был на харчах хозяина». При этом закон уточнял, что «для удобнейшего и скорейшего составления артелей на судах, и дабы люди, из коих имеют артели составляться, могли с большею уверенностью и безопасностью принять на себя круговую друг по друге поруку, вменяется им в обязанность отправляться артелями с самого места жительства, коль скоро из одной деревни, волости или города идут несколько человек».

С точки зрения своей организации и функционирования артель бурлаков подпадала под действие общего Положения 1902 г. (прим. 2 (по Продолжению 1906 г.) ст. 324 Свода учреждений и уставов путей сообщения), притом что Свод учреждений и уставов путей сообщения вносил некоторые дополнительные нормы, учитывающие особенности трудовой деятельности членов указанной артели. Так, в соответствии со ст. 331, если кто-либо из членов артели заболел в пути, то он должен быть сдан под расписку на руки того начальника или старшему того места, где оставляется больной. При этом хозяин «никогда не должен оставлять больного работника иначе, как в городе или в деревне, или в каком другом жилище и обязан, по словесному приговору артели, оставить ему денег как на содержание его, так и на дорогу, чем бы было ему возвратиться домой». Деньги выплачивались в счет суммы, которая должна была выплачиваться на всю артель за выполненную работу. Хозяин, оставивший больного работника, не дав ему указанных средств, подвергался наказанию на основании Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864); если же больной рабочий был оставлен «в безлюдном месте, где он

¹⁰ СЗ РИ. 1857. Т. XII.

не мог получить пособие от других», виновный в том хозяин наказывался в соответствии с Уложением о наказаниях (1845).

Артельная организация труда применялась также в случаях использования труда голодающих жителей мест оседлости за пределами этих мест¹¹.

Артели создавались «под наблюдением местного земского начальника»; для заведования в них хозяйственной частью и надзора за порядком избирались особые старосты, утверждаемые земским начальником.

При образовании артели рабочим объявлялись место и род предлагаемой работы, размер заработной платы и правила, которым они обязаны были подчиняться; в случае необходимости выдавались задатки и составлялся поименный список образующих артель рабочих с обозначением объявленных им условий найма и размера полученных задатков. Список этот, утвержденный местным земским начальником, по удостоверении в правильности его составления и в добровольном согласии включенных в него лиц получал силу обязательства по договору найма. Тот же список заменял для внесенных в него рабочих при передвижении и на время участия в работах установленные законом виды на жительство и должен был храниться до прибытия на место у чиновника, сопровождающего рабочих в пути, или в случае его отсутствия — у артельного старосты, а затем — у заведующего производством работ лица.

При отдаленности работ от мест жительства рабочих передвижение упомянутых рабочих артелей, заботы о обеспечении их продовольствием и необходимой врачебной помощью, о сохранении должного порядка во время пути, а также передача доставленных партий рабочих заведующим работами вверялись «чинам, особо командированым Министерством внутренних дел».

Распределение рабочих по отдельным работам, устройство для них жилых помещений, обеспечение продовольствием и оказание возможной врачебной помощи на месте производства работ, а также уплата причитающегося им вознаграждения возлагались «на обязанности должностных лиц производящего работы ведомства». При этом указанные должностные лица по сообщению губернского начальства местностей, где остались семьи рабочих, могли удерживать «в случае возможности» часть заработной платы и отсылать ее по принадлежности для поддержки этих семейств.

При нарушении общественной тишины и спокойствия, явно недобросовестного отношения к работе или неисполнения законных требований лиц, «заведывающих» производством работ или наблюдающих за порядком на них, виновные в том рабочие могли быть подвергаемы без особого судебного производства, по распоряжению местного земского начальника, офицеров отдельного Корпуса жандармов или полицейских чиновников, аресту до трех дней при волостных и полицейских управлениях или в особо приспособленных для сего помещениях либо в земских арестных домах; за упорное же уклонение от работы они, по распоряжению тех же чинов, могли быть отправляемы по этапу в место постоянного их жительства. В каждом случае принятия указанных мер должностным лицом, их применяющим,

¹¹ Временные правила об участии населения пострадавших от неурожая местностей в работах, производимых распоряжением ведомств путей сообщения и землеустройства и земледелия. Приложение к ст. 1 (примеч. 2) Устава о обеспечении народного продовольствия (ПСЗ. Собр. 3. Т. XXI. Отд. I. № 20644; Собрание узаконений Российской империи. 1901. Ст. 2251).

составлялось соответствующее постановление с кратким изложением его оснований. Постановление немедленно приводилось в исполнение.

Подводя итоги, обратим внимание на то, что трудовые артели, возникшие на Руси в древнейшие времена как результат народного творчества в области труда, продолжали сосуществовать с созданными позднее по инициативе государственной власти цехами, причем иногда правовое положение и тех, и других определяется в одном и том же законодательном акте (например, в Уставе торговом, определявшем, помимо прочего, правила торгового мореходства). Отсюда можно предположить, что артельный труд, как специфически русское явление, представляет собой некий аналог древних европейских цехов. Последние, как известно, не дали у нас того эффекта, который от них ожидала государственная власть, и, возможно, одной из причин такого положения явилась своего рода негласная конкуренция этого чужеродного на российской почве явления с трудовыми артелями.

Законодательство, рассматривая трудовую артель в качестве разновидности торговых товариществ¹² (наряду с полным товариществом, товариществом на вере или акционерным обществом и т. д.), тем не менее определяет особый правовой статус трудовой артели как особого хозяйствующего субъекта — юридического лица. Вполне очевидные аналогии можно провести между юридической личностью трудовой артели и современными нам хозяйствующими субъектами (например, производственный кооператив), а также субъектами недавнего советского прошлого (достаточно вспомнить, что советское новообразование «колхоз», применяемое для обозначения субъектов, действовавших в области сельского хозяйства, а также промышленного рыболовства, весьма длительное время сочеталось с термином «артель»). Кроме того, и в настоящее время в некоторых областях хозяйственной жизни действуют трудовые артели (артели старателей). Конечно, между всеми перечисленными хозяйствующими субъектами и трудовой артелью периода Российской империи есть немало различий, и выявление этих различий, как и черт сходства, представляет значительный не только чисто научный, но и практический интерес, однако это выходит за пределы предмета настоящей статьи.

Наконец, артель представляет собой довольно интересное явление в сфере отношений наемного труда. Насколько можно судить, здесь она выступает в двух качествах.

С одной стороны, в ряде случаев артель является *работодателем* — прежде всего поскольку законодательство предоставляет ей возможность, хотя бы и в ограниченных масштабах, применять наемный труд. Что касается участников артели, то, очевидно, их способность к труду реализовывалась внутри артели на основе отношений *членства*. При таких условиях трудовое отношение «растворяется» в отношении членства, являясь достаточно трудно идентифицируемым элементом этого общего отношения.

С другой стороны, артель выступала на стороне *работника* при заключении договора найма с третьими лицами — нанимателями. Притом что законодательство Российской империи в ряде случаев, как мы видели, совершенно недвусмысленно определяло в качестве стороны в договоре личного найма именно артель,

¹² Как это делает, например, Устав торговый, помещая главу о трудовых артелях в раздел «О торговом товариществе».

нельзя не заметить, что одновременно (по крайней мере, *наряду* с артелью) в качестве стороны в трудовом отношении — работника — был легализован и каждый отдельный член артели.

Правовое положение трудовых артелей по КЗоТ 1922 г.

Наряду с отдельным физическим лицом, выступавшим на стороне нанимавшегося (работника), КЗоТ 1922 г.¹³ легализовывал *артель*. Категория артели была достаточно традиционной для законодательства Российской империи; использует данную категорию и Проект Временного правительства о трудовом договоре (о содержании законопроекта см.: (Хохлов, 2005)). Однако достоинством советского законодательства периода 1920-х годов является то, что оно содержит довольно подробные правила, определяющие место артели в области *трудовых* отношений. Эти правила содержатся в Постановлении ВЦИК и СНК от 15 декабря 1924 г. «О трудовых артелях» (далее — Постановление от 15 декабря 1924 г.)¹⁴.

В соответствии с Постановлением от 15 декабря 1924 г. трудовыми артелями признавались объединения лиц для совместной организации и предоставления в наем их физического или интеллектуального труда с выполнением работ, как правило, из материалов нанимателя¹⁵. При этом число лиц, объединяемых трудовой артелью, не могло быть менее семи человек. Членами артели не могли быть лица, «эксплуатирующие наемный труд с целью извлечения прибыли» (ст. 1).

Трудовые артели организовывались по определенному производственному признаку и могли принимать на себя исполнение работ «исключительно по своей основной специальности» (ст. 3). В Постановлении от 15 декабря 1924 г. подчеркивается, что принятые на себя артелью работы должны были выполняться личным трудом членов артели, и только для таких работ по ее обслуживанию, которые не могли быть исполняемы самими членами артели (канцелярские работы, разработка технических вопросов и т. п.), артель имела право «приглашать на службу посторонних лиц», при том, однако, условии, чтобы общее их число не превышало 10 % всего состава членов артели (ст. 4). Те трудовые артели, в которых обнаруживалось применение наемного труда в скрытой форме, были обязаны выполнить в отношении соответствующих лиц все обязанности, вытекающие из КЗоТ (ст. 19). Такие трудовые артели, в которых устанавливалось применение наемного труда в скрытой форме или в обход закона, помимо уголовной ответственности «в подлежащих случаях» могли быть ликвидированы в установленном порядке (ст. 20).

Артель действовала на основании устава, который подлежал государственной регистрации (ст. 11–14 Постановления от 15 декабря 1924 г.). В уставе, разрабатываемом в соответствии с нормальным (т. е. типовым) уставом и действовавшими законами, определялись район деятельности трудовой артели, порядок вступления и выбытия членов, права, пределы и порядок ответственности членов по обяза-

¹³ Утвержден IV сессией ВЦИК IX созыва 9 ноября 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР (далее — СУ РСФСР). 1922. № 70. Ст. 903.

¹⁴ Известия НКТ. 1925. № 6. — Указанный акт отменил Постановление ВЦИК и СНК от 9 мая 1923 г. «О трудовых кооперативных товариществах» (СУ РСФСР. 1923. № 41. Ст. 449).

¹⁵ Как исключение трудовые артели имели право «при выполнении работ подрядным способом предоставлять работодателям свои материалы на сумму не свыше 5000 руб.» (ст. 2).

тельствам артели, функции общего собрания, состав, порядок избрания и компетенция органов управления и контроля, система отчетности по делам артели, «способ обревизования» и порядок ликвидации артели (ст. 10).

Зарегистрированные в установленном порядке трудовые артели пользовались правами юридических лиц (в том числе правом участия в торгах «по соискательству работ»), однако их правосубъектность носила узкоспециальный характер, поскольку в качестве юридических лиц они могли «предпринимать только такие действия, которые необходимы для достижения целей, предусмотренных... Постановлением [от 15 декабря 1924 г.] и уставом артели» (ст. 6). Средства трудовых артелей составлялись из вступительных взносов, паев, отчислений от сумм, поступавших за работу артелей, средств, получаемых по договору займа от кредитных учреждений и частных лиц, а также в порядке государственного кредитования (ст. 7). В качестве органов управления артелями определялись общее собрание и правление, однако по постановлению общего собрания управление делами артели могло быть возложено на одно лицо (старосту), выполнявшего функции правления (ст. 9).

Трудовые артели могли выполнять работы либо в соответствии с договором подряда, либо на основании трудового договора (ст. 30 КЗоТ, ст. 16, 17 Постановления от 15 декабря 1924 г.).

В том случае, когда с артелью заключался трудовой договор, в силу ст. 33 КЗоТ, воспроизводившей содержание ст. 5 Проекта Временного правительства о трудовом договоре, для нанимателя возникали по отношению к каждому лицу, входившему в состав артели и выполнявшему у нанимателя обусловленную работу, те же обязанности и права, как если бы он заключил договор с ним лично. В то же время, согласно ст. 35 КЗоТ, артель, нанявшаяся по трудовому договору, могла, «если противное в нем не обусловлено», сама распределять работу между своими членами и заменять одних членов другими. Данная норма также почти буквально воспроизводит положения Проекта Временного правительства (ст. 26). Что касается законодательства Российской империи, то ст. 156 Устава о промышленном труде несколько иначе решала данный вопрос: в силу этой статьи изменение состава нанявшейся артели допускалось не иначе как с согласия нанимателя, причем такое согласие удостоверялось на письменных договорах соответствующей надписью, свидетельствуемой окружным инженером, а за его отсутствием — горным исправником. Что касается найма на сельские работы, то здесь, наоборот, замена одних рабочих, входивших в артель, другими допускалась, «если противное не оговорено в условии» (ст. 54 (примеч.) Положения о найме на сельские работы), т. е. действовало правило, аналогичное правилу ст. 33 КЗоТ 1922 г.

При заключении трудового договора с артелью расчетная книжка (кроме общей для всей артели) должна была выдаваться каждому члену артели (ст. 29, примеч. 1 КЗоТ). Как видим, и при установлении данного правила КЗоТ не оригинален: оно предусматривалось ст. 4 Правил о расчетных книжках (приложение к Проекту Временного правительства), определялось законодательством и административной практикой Российской империи¹⁶.

¹⁶ См., напр.: Устав о промышленном труде, с правилами и распоряжениями на основании этих статей, с разъяснениями к ним Правительствующего Сената и административных установлений, приложениями и указателями, алфавитным предметным и сравнительным постатейным / сост. В. В. Громан. Пг., 1915. С. 86.

При привлечении трудовой артели к работам «в порядке подряда» правление артели должно было исполнять следующие обязанности, установленные КЗоТ: а) соблюдать постановления по технике безопасности, промышленной санитарии и гигиене, охране труда женщин и несовершеннолетних; б) уплачивать страховые взносы на врачебную помощь и страхование от несчастных случаев, исходя из размеров вознаграждения, предназначенного на оплату труда членов артели (ст. 17 Постановления от 15 декабря 1924 г.).

Постановление от 15 декабря 1924 г. не распространялось на трудовые объединения инвалидов, которые организовывались Народным комиссариатом социального обеспечения, а также на коллективы, организуемые Народным комиссариатом труда с целью оказания безработным трудовой помощи. Указанные объединения и коллективы организовывались и действовали на основании особого законодательства¹⁷, однако если впоследствии такой коллектив преобразовывался в трудовую артель, он должен был представить свой устав для регистрации в порядке, установленном Постановлением от 15 декабря 1924 г. (ст. 23).

Итак, в лице трудовой артели мы имеем весьма интересный правовой феномен. С учетом давних традиций коллективного (артельного) труда на Руси это явление, несомненно, заслуживает отдельного историко-правового исследования, поэтому здесь мы ограничимся лишь соображениями самого общего характера.

Насколько можно судить по рассмотренным нами актам законодательства, трудовая артель выступала в двух альтернативных качествах, причем возможный вариант этой альтернативы определялся тем, какого рода договор был заключен с участием артели.

Первый вариант: с артелью заключался *трудовой договор*. Однако анализ как советского, так и дореволюционного законодательства об артелях позволяет заключить, что о трудовом договоре, в котором в качестве стороны, противостоящей работодателю, выступала бы артель в целом, можно говорить весьма и весьма условно. Достаточно вспомнить нормы КЗоТ, согласно которым трудовые права и обязанности у работодателя в этом случае возникали по отношению к каждому члену артели, «как если бы он заключил договор с ним лично» (ст. 33); и расчетная книжка должна была выдаваться помимо артели каждому ее члену (ст. 29, примеч. 1).

Отсюда следует, что и формально, и фактически в данном случае трудовое правоотношение возникало не между работодателем и артелью, а между работодателем и каждым отдельным членом артели (коль скоро все трудовые права и обязанности, характеризующие содержание трудового правоотношения, возникали между этими последними субъектами). Артель же в данном случае выступала в качестве организационно-правовой формы, обеспечивающей оптимальную организацию труда и управление трудовой деятельностью членов артели, а свою правосубъектность как юридического лица она реализовывала, лишь принимая участие в отношениях, регулируемых гражданским правом (участие в торгах «по соискательству работ»). То обстоятельство, что артель могла сама распределять работу между своими членами, данного вывода не колеблет; вполне можно объяснить

¹⁷ См., напр.: Постановление Народного комиссариата социального обеспечения от 26 мая 1923 г. «О порядке организации и деятельности артелей и объединений инвалидов» // СУ РСФСР. 1923. № 65. Ст. 631.

и предоставляемое артели право на замену одних членов другими (ст. 35 КЗоТ). Выведение из состава артели работника само по себе не должно было означать прекращение трудового отношения с ним. Работодатель в силу ст. 33 КЗоТ должен был, очевидно, как минимум произвести с ним расчет, сделав соответствующую запись в расчетную книжку, и осуществить увольнение данного работника в соответствии с одним из пунктов ст. 47 КЗоТ. Точно так же и включение в состав артели нового работника подразумевало оформление с ним возникшего трудового правоотношения, для чего работодатель должен был осуществить определенные юридически значимые действия. Таким образом, обычная логика подсказывает, что предоставляемое артели законом (ст. 35 КЗоТ) право изменять свой состав отнюдь в данном случае не означает признание за нею качеств работодателя (субъекта права); она выступает лишь организационной формой, посредством которой работодатель, т. е. лицо, в пользу которого применяется труд членов артели, выражает свою волю (здесь важно подчеркнуть, что норма ст. 35 КЗоТ имеет совершенно однозначно выраженный диспозитивный характер).

Второй вариант предполагал заключение с артелью *договора подряда* (по терминологии Постановления от 15 декабря 1924 г. — при привлечении трудовой артели к работам *в порядке подряда*). В данном случае мы можем констатировать наличие двух видов отношений. Во-первых, это отношения по договору подряда между заказчиком и подрядчиком, в котором роль подрядчика принимала на себя трудовая артель в целом, действовавшая в качестве юридического лица. Во-вторых, поскольку на артель законом возлагались такие устанавливаемые КЗоТ обязанности, как соблюдение постановлений по охране труда и технике безопасности, выплата взносов по социальному страхованию и т. п., это означало, что артель, действуя в качестве субъекта права — юридического лица, принимала на себя функции работодателя в трудовом отношении с каждым отдельным членом артели. Таким образом, на основе изложенного мы можем предположить, что в случае с артелью как формой организации общественного труда мы имеем довольно необычную и сложную юридическую конструкцию, предполагающую одновременное наличие *двух* трудовых отношений с участием члена артели. С одной стороны, мы наблюдаем постоянно существующую трудовую связь между членом артели и артелью, связь, которая реально проявляет себя при вступлении артели в подрядный договор. С другой стороны, мы видим совершенно очевидную и юридически формализованную связь, возникающую между каждым отдельным работником — членом артели и работодателем, трудовое отношение, возникающее в силу заключения артелью трудового договора. При этом, очевидно, трудовое отношение между работником и артелью приостанавливается (замораживается).

Выводы

К сожалению, более подробное исследование правового положения трудовой артели выходит за рамки данной работы. Заметим лишь, что эта организационно-правовая форма вызывает множество ассоциаций. Можно, например, вспомнить о производственных бригадах в СССР 1970–1980-х годов: наиболее радикальные формы коллективного, прежде всего бригадного хозяйственного

расчета (как, например, арендный подряд)¹⁸, хотя бы и в малой степени, но приближались к трудовым артелям, конструируемым законодательством Российской империи и советским законодательством периода нэпа. Интересно также отметить, что специалисты, констатируя широкое развитие бригадных (групповых) форм организации и оплаты труда в современных западных странах, отмечают наличие у бригад права изменять свой состав. Во всяком случае, артель (бригада) как форма участия работников в делах работодателя в промышленности заслуживает того, чтобы обратить на нее внимание при разработке моделей организации общественного труда, призванных обеспечить повышение эффективности отечественной экономики.

Интересно сопоставить правовую форму трудовой артели с широко развитыми на Западе и получающими некоторую популярность в нашей стране формами так называемого *заемного труда* — и можно легко усмотреть между ними очевидные черты сходства.

Безусловно, необходимо проанализировать богатейший опыт функционирования так называемых *биржевых артелей*. Этот вид юридических лиц возник в практике хозяйства *рыночного* типа в качестве той формы, которая обеспечивала наилучшую защиту интересов предпринимателей от возможных посягательств на их имущество тех работников, которых ныне принято определять обобщающим термином «материально ответственные работники». Насколько можно судить, эту функцию биржевые артели выполняли наилучшим образом, выступая в качестве гаранта от имущественных злоупотреблений своих членов, работавших у предпринимателей в качестве бухгалтеров, кассиров, заведующих хозяйством и пр. Биржевые артели в СССР были ликвидированы за ненадобностью по результатам «великого перелома»¹⁹ и заменены системой материальной ответственности работников, действующей и сегодня. Но если последняя была приемлема для условий экономики, функционирующей в качестве «единой конторы и единой фабрики», то, пожалуй, мало кто будет спорить с тем, что она как минимум *недостаточно* эффективна в принципиально иных условиях хозяйственной деятельности. А вот форма биржевой артели ныне могла бы оказаться полезной.

Короче говоря, опыт правового регулирования организации и деятельности трудовых артелей имеет отнюдь не только исторический интерес.

¹⁸ Сходные с поставленными здесь вопросы нам уже приходилось ставить в связи с деятельностью так называемых *арендных подрядных коллективов* (АПК) на основе новейшего на тот период законодательства. См.: (Хохлов, 1991).

¹⁹ Советское законодательство об артелях изначально в целом гораздо более лаконично, чем законодательство Российской империи, что объясняется ограничением спектра организационно-правовых форм хозяйствования в период нэпа. В дальнейшем, с полным огосударствлением экономики, правовое положение трудовых артелей пересматривается. См., напр.: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 января 1928 г. // СУ РСФСР. 1928. № 27. Ст. 195. — Порядок регистрации уставов трудовых артелей, учреждаемых в соответствии с указанным Постановлением, был определен Инструкцией НКТ и ВСНХ РСФСР от 16 марта 1929 г. № НКТ РСФСР-82 (Известия НКТ СССР. 1929. № 22–23), а затем эта организационно-правовая форма вообще уходит на периферию хозяйственной жизни. История колхоза — это уже существенно иной ее пласт.

Библиография

- Хохлов, Евгений Б. 2005. «Правовое регулирование труда в период демократической республики в России (1917 г.)». *Российский ежегодник трудового права* 1: 7–41.
- Хохлов, Евгений Б. 1991. *Экономические методы управления и трудовое право*. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета.

Контактная информация:

Хохлов Евгений Борисович — д-р юрид. наук, проф.; e.hohlov@spbu.ru

Forgotten Past: The Legal Status Of The Cooperative Labor On Domestic Legislation

E. B. Khokhlov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article deals with the legal status of labor cooperatives of different types on the domestic legislation. A general legal status of labor cooperatives, as well as exchange cooperatives, cooperatives sailors, et al. Analyzed the place cooperatives in the employment relationship (as an employer as well as on the side of the employee). As an employer, the artel acted in the case of an employment contract with an individual who were not member of cooperative. In the case where the artel was on the side of the employee (contractor), the article examines two options. In the first version with the artel of an employment contract. However, in this case, the employment relationship does not arise between the employer and the artel, and between the employer and each individual member of the cooperative; artel also acted as an organizational form for optimal work organization and management of labor productivity of the members of the artel. The second option would conclude with a team of contract. In this case, there were two kinds of relationships: under the contract between the customer and the contractor, in which the role of the contractor assumes the labor cooperative as a entity and cooperative relations with its members, in which the artel acted as an employer. This article discusses the possible uses of the farm in modern conditions: as a form of employee participation in the affairs of the employer, as a kind of contract labor (in particular in order to safeguard the property of the employer).

Keywords: legislation of the Russian Empire, New Economic Policy legislation, labor cooperative, exchange cooperative, association, material liability, agency work, social partnership.

References

- Khokhlov, Evgeniy B. 2005. “Legal regulation of labor in the period of a democratic republic in Russia (1917).” *Russian Yearbook of labor law* 1: 7–41. (In Russian)
- Khokhlov, Evgeniy B. 1991. *Economic methods of management and labor law*. Leningrad, Leningrad University Press. (In Russian)

Author’s information:

Khokhlov Evgeniy B. — Dr. Sci. in Law, Professor; e.hohlov@spbu.ru